

Игорь Ковриков

*Записки ритуального
агента*

и

другие истории

16+

Игорь Ковриков

**Записки ритуального
агента и другие истории**

«Автор»

2019

Ковриков И. А.

Записки ритуального агента и другие истории / И. А. Ковриков —
«Автор», 2019

Ульяна Синицина - ритуальный агент. Она приходит к людям в самые трагические минуты их жизни, но часто встречает непонимание и неприязнь. Несмотря на это, она всегда пытается помочь, воспринимая чужую боль как свою собственную.

© Ковриков И. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Записки ритуального агента	5
Часть первая. Ульяна Синицына	6
Часть вторая. Афганец	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Игорь Ковриков
Записки ритуального
агента и другие истории

Записки ритуального агента

(Основано на реальных событиях. Имена изменены.)

Часть первая. Ульяна Сеницына

Звонок от диспетчера раздался в два часа ночи. Едва раскрыв глаза, хватаю трубку и подношу её к уху.

– Алло.

– Мичуринский проспект, дом номер ..., квартира Бабушка девяносто два года.

– Поняла.

– Подъедешь к адресу – перезвони.

В трубке раздалась короткая гудка, а я вскочила с кровати и начала собираться. Сумка со всем необходимым стоит в коридоре. В ней лежат документы, нашатырный спирт, бахилы, медицинские маска и перчатки, ментоловая мазь, которую мажу себе у носа в случае трупного запаха, и многое другое. На самом дне лежит фляжка коньяку, чтобы в случае чего успокоить родственников. Быстро одевшись и схватив сумку, выбегаю на улицу и прыгаю в свою старенькую машину.

Автомобиль завёлся с третьего раза. И это летом. Аккумулятор слабый, и к зиме надо будет его поменять. Вообще-то поменять надо его уже сейчас, но денег нет, поэтому я всё время откладываю это мероприятие. Но до бесконечности переносить на потом это нельзя, и я морщусь, представляя, сколько он может стоить.

Я доехала до адреса за двадцать минут и сразу перезвонила девочкам.

– Тебя ждут, Ульяна, – прозвучало в трубке. – Ты сотрудница социальной службы. Приехала, чтобы оказать бесплатную помощь в оформлении документов. Милиции и трупоперевозки на адресе ещё нет.

– Ясно, – говорю я, глядя на машину скорой помощи, стоящую у подъезда. – Я на адресе.

Захожу в подъезд и поднимаюсь на лифте на девятый этаж. Дверь открыла женщина лет шестидесяти в синем платье и с заплаканным лицом.

– Здравствуйте, – говорю я. – Меня зовут Ульяна Сеницына. Я бесплатный сотрудник социальной службы. Вот мои документы. Я приехала по вызову диспетчера специально, чтобы оградить вас от мошенников и минимизировать ваши расходы.

Женщина смотрит на меня непонимающим взглядом. Я специально не произнесла слово «агент», поскольку, услышав его, люди в девяноста процентов случаев закрывают дверь прямо перед носом.

– Могу я пройти? – спрашиваю я.

– Да, пожалуйста, – говорит женщина и отходит назад, пропуская меня в квартиру.

Я захожу в полутёмную прихожую и одеваю заранее приготовленные бахилы.

– Как вас зовут? – спрашиваю я женщину.

– Раиса Георгиевна, – ответила она.

– Что у вас случилось, Раиса Георгиевна?

– Умерла моя мама, – сквозь слёзы отвечает она.

– Примите мои соболезнования, – говорю я. – Где мы с вами можем поговорить?

– Проходите в комнату.

– Прежде чем пройти, хочу вас предупредить, что сейчас вам могут начать звонить по телефону, чтобы предложить свои услуги в деле организации похорон, – мягко говорю я. – Это могут быть мошенники, так что на звонки не отвечайте.

Только я это сказала, как сразу же зазвонил телефон, стоящий рядом на маленьком столике. Раиса Георгиевна посмотрела на него и сразу подняла глаза на меня.

– Я поняла, – кивнула она и открыла дверь в комнату.

Мы заходим в гостиную. За столом сидит женщина врач скорой помощи и что-то торопливо пишет.

– Здравствуйте, – поздоровалась я.

Доктор отрывается от бумаг и смотрит на меня, как бык на красную тряпку.

– А это ещё кто? – спрашивает она.

– Это из социальной службы, – ответила Раиса Георгиевна.

– Эти агенты – как вороньё, – говорит врачаха, ничего не стесняясь.

К чему такая агрессия!? Сколько работаю – никак не могу к этому привыкнуть. Я действительно пришла помочь людям и проконсультирую их совершенно бесплатно. В других местах вызов агента стоит десять тысяч.

– Могу я посмотреть на усопшую? – спрашиваю я хозяйку, повернувшись к докторше спиной.

– Да, конечно, – говорит Раиса Георгиевна и ведёт меня в соседнюю комнату.

На узкой кровати лежит тело маленькой старушки. Посмотрев на неё, сразу прикидываю приблизительные размеры гроба.

– Надо закрыть окна и задвинуть шторы, – говорю я. – При доступе свежего воздуха тело начинает разлагаться быстрее.

Раиса Георгиевна подходит к окну и закрывает его.

– Я вижу у неё на пальце кольцо, – продолжаю я. – Надо снять все украшения до приезда полиции.

– Ишь, раскомандовалась! – слышу из соседней комнаты рассерженный голос врачахи. – Ничего не трогать до прихода участкового!

– Занимайтесь своим делом, доктор, – спокойно отвечаю я. – А мне позвольте заниматься своим.

После этого врачаха издаёт звук, похожий на собачье рычание.

– А зачем снимать с неё кольца? – спрашивает хозяйка.

– На тот случай, если вы доверите мне поехать в морг вместо вас, – отвечаю я. – Участковый сделает опись, после чего драгоценности из морга выдадут только ближайшим родственникам, и вам придётся ехать в морг самой.

– А вы и в морг за меня сможете съездить? – удивляется Раиса Георгиевна.

– Я могу сделать за вас всё.

– Господи! – женщина вдруг хватается за голову. – Сколько же всё это будет стоить?

– Не волнуйтесь, Раиса Георгиевна, – отвечаю я. – Мы сделаем всё очень дёшево и достойно похороним вашу маму.

Только зайдя на адрес, я сразу же поняла по убогой обстановке, что денег здесь не заработаешь. Что ж, такое бывает, но не могу же я бросить несчастную женщину наедине с её горем.

Раиса Георгиевна подошла к усопшей, но сразу же отшатнулась.

– Я не могу...

– Я вам помогу, – говорю я и открываю свою сумку.

Надеваю перчатки и маску. Трупного запаха пока нет, значит, обойдусь без ментоловой мази. Подхожу к умершей и снимаю с пальца обручальное золотое кольцо. Потом расстёгиваю ворот сорочки и снимаю с шеи золотую цепочку с маленьким кулончиком. Всё это кладу на письменный стол, стоящий рядом. В это время Раиса Георгиевна опять начинает плакать. Я снимаю маску и перчатки и подхожу к ней.

– Успокойтесь, – говорю я ей. – Я буду с вами от начала и до конца. Помогу вам пережить эти тяжёлые первые дни.

Женщина рассеянно кивает и вытирает слёзы носовым платком. В это время в прихожей раздаётся звонок.

– Я открою, если вы не против, – говорю я и иду к входной двери.

На пороге стоит капитан полиции. Участковый, поняла я. Сейчас наступает самый ответственный момент. Сейчас мне надо удержаться на адресе, потому что полицейский всеми прав-

дами и неправдами попытается меня отсюда выгнать. Он наверняка привёл с собой своего агента, который, наверное, уже стоит на лестнице. Такие агенты платят участковым откаты, поэтому их услуги стоят намного дороже моих, ведь эти откаты они включают в оплату своих услуг. Но люди, конечно, этого не знают и к тому же до сих пор верят полиции.

– Здравствуйте, – говорит полицейский, ещё не зная, кто я такая. – Можно пройти?

– Проходите.

Участковый заходит в квартиру и сразу проходит в комнату. Врачиха при его появлении поднимает голову.

– Я почти закончила, – говорит она.

Участковый садится за стол и открывает свой портфель, даже не посмотрев на тело.

– Кто родственник? – спрашивает он.

– Я, – Раиса Георгиевна подходит к столу.

– А вы кто? – полицейский смотрит на меня.

– Я бесплатный сотрудник социальной службы от города, – отвечаю я. – Вот мои документы.

– От какого города? – морщится он.

– От города Москва!

У полицейского глаза лезут на лоб.

– Сейчас же покиньте квартиру! – восклицает он.

– Я здесь нахожусь с разрешения хозяйки квартиры, – парирую я. – Это место происшествия, а не преступления, так что имею право.

– Паспорт умершей ей не отдавайте, – говорит участковый, повернувшись к Раисе Георгиевне. – А то потом не найдёте ни её ни паспорта. А могут ещё и вещи какие-нибудь пропасть.

Красавец, думаю я. Только вошёл и даже не спросил имя хозяйки, а уже сделал из меня мошенницу.

Полицейский тем временем разложил на столе свои бумаги.

– Как вас зовут? – спросил он.

– Раиса Георгиевна, – ответила женщина.

Гениально, опять думаю я. Вообще-то спросить имя надо было сразу.

– От чего наступила смерть? – обратился он к врачу.

– Предварительно – от сердечного приступа, – отвечает докторша.

– Мне нужно двое понятых, – опять говорит участковый.

– Я могу быть понятой, – говорю я. – Второго сейчас найду.

– Посмотрите на лестнице, – произносит он.

Я отворачиваюсь и иду к двери. В этот момент я уже знаю, кто стоит в коридоре.

Выхожу из квартиры и вижу, что у лифта стоит высокий парень. Конечно, это ритуальный агент, которого привёл с собой полицейский и, конечно, он хочет сейчас зайти в квартиру.

– Что там случилось? – спрашивает он.

– Бабушка умерла, – отвечаю я с невозмутимым лицом и, пройдя мимо него, звоню в квартиру напротив.

– А вы кто? – не отстаёт он.

– Родственница, – отрезала я, и дверь открывается.

На пороге стоит полный мужчина в бордовом спортивном костюме.

– Простите, – говорю я. – Вы не согласитесь быть понятым? Умерла ваша соседка.

– Конечно, – кивает он, немного подумав.

– Только захватите свой паспорт.

Мужчина ненадолго скрывается в квартире и выходит уже с паспортом в руке. Мы с ним идем мимо агента, провожаемые его злым взглядом. Наверное, он уже понял, кто я такая.

Заходим в квартиру и сразу проходим в комнату. Полицейский бросает на нас косой взгляд и встаёт из-за стола.

– Вы здесь живёте? – спрашивает он мужчину.

– Да, – отвечает тот. – Я сосед.

– Вы согласны быть понятым при осмотре тела? – опять говорит представитель власти.

– Да, конечно.

Полицейский кивает и проходит в соседнюю комнату. Мы проходим за ним, и начинается осмотр. Участковый смотрит, нет ли каких повреждений на теле, и начинает писать протокол.

– Скажите, Раиса Георгиевна, ваша мама болела? – задаёт он вопрос.

– Сердце... И давление повышалось.

– А лекарства какие принимала?

– Сердечные капли. И вот ещё таблетки на тумбочке.

Полицейский оборачивается и наклоняется над маленькой тумбочкой, стоящей возле кровати. Он раскладывает коробочки из-под препаратов, лежащие на ней, и старательно переписывает названия в протокол.

– Всё ясно, – наконец говорит он. – Криминала нет. Вызываем трупоперевозку из городского морга.

– Я тоже так думаю, – кивает врач и встаёт со стула. – Мы закончили.

Раиса Георгиевна, услышав слово «трупоперевозка», опять начинает плакать. Вряд ли она в этот момент хорошо соображает, но мне надо именно сейчас ей всё объяснить, чтобы сохранить её деньги.

Есть городские морги и есть судебные. В судебные морги отправляют тогда, когда есть признаки насильственной смерти, либо, когда человек умер вне своего дома или в состоянии алкогольного опьянения, и во всех этих случаях производится вскрытие. В остальных случаях отправляют в обычный морг. Но есть ещё новые морги, работающие на коммерческой основе, про которые люди ничего не знают. Их услуги стоят почти в два раза, меньше чем в городском, и моя задача тактично убедить Раису Георгиевну отправить тело именно в этот морг, чтобы похороны обошлись ей дешевле.

– Раиса Георгиевна, я вам не советую отправлять тело в городской морг, – вкрадчиво говорю я.

– Это что ещё за новости, – взвилась врачиха. – Я уже вызвала перевозку из городского морга.

– Я вам советую отправить тело в новый морг, – продолжаю я, не обращая внимания на её замечание. – Условия хранения там лучше, и к тому же стоит это будет гораздо дешевле.

Врачиха многозначительно вздыхает. Не понимаю, какое ей до этого дело. Всё время врачи пытаются склонить родственников умерших воспользоваться услугами городского морга, хотя знают, что он намного хуже, чем новые морги. Может быть, они имеют в этом какой-то свой интерес?

– Но ведь врач уже вызвала перевозку, – говорит Раиса Георгиевна.

– Заказ я отменю, это не проблема, – говорю ей. – И, если вы согласны, я вызову перевозку из другого морга.

– А это правда будет дешевле?

– Посудите сами: городской морг вам обойдётся от двадцати тысяч, а я вам найду морг услуги которого вам будут стоить не больше тринадцати.

– Хорошо, – кивает женщина. – Я согласна.

Докторша проходит мимо меня к двери, громко стуча каблуками. Всем своим видом она показывает своё недовольство. Наверное, ей надо вести себя потактичнее и не устраивать этот

спектакль перед родственником только что умершего человека. Но не могу же я сейчас начать ей это объяснять.

Я набираю номер городского морга и отменяю заказ. Потом вызываю перевозку из другого морга, и в это время участковый встаёт со стула.

– Я всё написал, – говорит он. – Предупреждаю вас, Раиса Георгиевна, паспорт умершей никому не отдавайте. Понятые, распишитесь.

Мы с мужчиной в бордовом спортивном костюме подходим к столу и расписываемся.

– Эту бумажку отдадите санитарам, которые приедут за телом, – говорит полицейский. – До свидания.

Он и сосед уходят, а я закрываю за ними дверь и возвращаюсь в комнату. Раиса Георгиевна сидит на стуле и смотрит в одну точку, а я капаю в стакан валокордина и даю ей. После того, как она выпила, пытаюсь её успокоить, но у меня плохо получается. И в самом деле, какие тут можно найти слова?

Когда меня инструктировал психолог, он мне говорил, что нельзя принимать горе других людей близко к сердцу. Это всего лишь твоя работа, и перед тобой чужие люди, которых ты видишь в первый и наверняка в последний раз. Если постоянно переживать вместе с ними, то можно быстро слететь с катушек, но у меня так не получается. Я вижу полные горя глаза родственников усопшего и не могу относиться равнодушно к их несчастью. И я считаю, что это правильно, несмотря на слова психолога.

Я замечаю, что женщина немножко успокоилась. Наверное, уже сейчас она может разговаривать.

– Раиса Георгиевна, я очень сочувствую вашему горю, – говорю я. – Но нам надо с вами поговорить.

– Я вас слушаю.

– Если вы хотите, то завтра я схожу вместо вас в поликлинику, чтобы получить документы, и съезжу в морг.

– Хорошо. Я согласна, – кивает она.

– Тогда мне нужен паспорт умершей.

– Но участковый говорил мне, что паспорт отдавать никому нельзя.

– Я выдам вам расписку, – успокаиваю её. – Так же мне нужны деньги на морг. Это шестнадцать тысяч рублей, при условии, что врач назначит вскрытие. Если вскрытия не будет, то морг вам обойдётся тринадцать тысяч, и три тысячи я верну вам обратно.

Она встала и подошла к шкафу. Вынув из выдвижного ящика деньги, Раиса Георгиевна молча кладёт их на стол передо мной. Я достаю из своей сумки бланки и быстро пишу расписки на деньги и паспорт.

Через пятнадцать минут приезжает трупоперевозка. Два рослых санитары вошли в квартиру и, сказав какие-то дежурные слова соболезнования, принимаются за свою работу. Они быстро упаковывают тело в целлофановый мешок и выносят его из квартиры. В это время женщина опять начинает плакать. Я подхожу к ней и беру её за руку.

– Успокойтесь, пожалуйста. Вашу маму уже не вернуть, но жизнь есть жизнь. Сейчас я вас оставлю, а завтра позвоню сразу же, как только побываю в морге и получу все документы.

– Спасибо вам, – отвечает она.

– До свидания, – отвечаю я и выхожу из квартиры.

Я выхожу из дома и останавливаюсь около лавочки, стоящей возле подъезда. Я кладу на неё свою сумку и с наслаждением вдыхаю свежий воздух, пытаюсь успокоиться.

Всегда происходит одно и то же. Когда идёшь на адрес, повторяешь себе, что надо воспринимать спокойно переживания чужих людей, как учил меня психолог. Но как только оказываешься в квартире, всё переворачивается с ног на голову, и ты уже перестаёшь контролиро-

вать свои чувства. Чужие переживания входят в тебя, как сильная энергетика, и ты начинаешь чувствовать горе людей, только что потерявших близкого человека, как своё собственное.

Но бывает и по-другому. Перед тобой захлопывают дверь или грубо отталкивают в коридор, думая, что ты мошенница. Один раз на меня натравили огромного пса, и я еле увернулась от его острых зубов. Хорошо, что дело происходило на первом этаже, и я успела выскочить на улицу, захлопнув за собой дверь парадной.

Я постояла ещё минуты две, приходя в себя. Пора было ехать, и я беру в руку свою сумку и иду к своей машине, но тут на моём пути появляется какая-то тень. Несмотря на темноту, я сразу узнала похоронного агента, стоявшего на лестнице, возле квартиры Раисы Георгиевны.

– Ты чего такая борзая? – подойдя ко мне вплотную, шипит он.

– Не понимаю вас, гражданин, – как ни в чём не бывало отвечаю я. – Дайте пройти.

Делаю шаг влево, пытаясь его обойти, но он опять преграждает мне дорогу.

– Это моя земля, и я на ней работаю, – опять хрипит он в самое лицо, но меня этим не напугаешь.

– Твоя земля может быть только на кладбище, – спокойно отвечаю я. – Могу показать дорогу. А если ещё раз тебя увижу – напишу заявление в полицию о том, что ты мне угрожал.

Даже в темноте я вижу, как его лицо искажается злобой.

– Ладно, посмотрим, – ухмыляется он.

– Всего хорошего.

Агент разворачивается и вразвалку уходит. Я стою и жду, пока он скроется из вида, чтобы он не запомнил машину, в которой я приехала. Бывали случаи, когда конкуренты резали шины или разбивали стёкла. Правда, со мной пока такого не было, но надо соблюдать осторожность.

Я сажусь за руль и включаю зажигание. В этот раз двигатель завёлся с первого раза.

Часть вторая. Афганец

Приезжаю на адрес и как всегда, прежде чем войти в подъезд звоню диспетчеру.

– Умерла женщина семидесяти пяти лет, – говорит мне диспетчер. – В квартире её сын. Зовут Алексей. По-моему, он не очень вменяем, но ты попробуй с ним поговорить.

Сколько раз я слышала такие слова. Диспетчеры должны постоянно быть на телефоне и общаться с родственниками умершего, но у них не всегда это получается. И тогда они говорят агенту: «Ты попробуй...». Эти слова означают, что почти наверняка тебя не пустят в квартиру, но я уже приехала. Не поворачивать же назад.

Я поднимаюсь на пятый этаж и нахожу нужную квартиру. Звоню в дверь, но мне никто не открывает. Звоню ещё, с тем же успехом. Тогда берусь за ручку, нажимаю её вниз и понимаю, что дверь оказалась открытой.

– Можно войти?! – громко говорю я, но в ответ слышу лишь тишину.

– Кто-нибудь есть?! – опять спрашиваю я и захожу в прихожую.

В коридоре на стене горит яркая неоновая лампа. Бежевые обои аккуратно поклеены, а потолок безупречно белый, как будто только что сделали ремонт. Замечаю, как на кухне блестит белый кафель, а на полу лежит совершенно новый линолеум. Обе полированные двери в комнаты закрыты, и я берусь за ручку одной из них, той что справа от меня. Я приоткрываю её и заглядываю в комнату.

– Можно войти?! –

Посреди комнаты стоит огромное кресло, в котором неподвижно сидит мужчина лет пятидесяти в зелёной майке и смотрит прямо перед собой. Перед ним стоит журнальный столик, на котором стоит почти пустая бутылка водки и стакан, а сбоку от него, прислонённое к креслу прикладом вниз, стоит двуствольное охотничье ружьё. Я успеваю заметить на плече татуировку, «ВДВ, Афганистан 1984-1986» и вижу, как мужчина начинает медленно поворачивать голову в мою сторону.

Но меня уже нет в квартире. Я сбегая вниз, перепрыгивая через две ступеньки, начисто забыв про лифт. Кто знает, что на уме у этого убитого горем человека и что он сейчас может сделать. Я конечно хочу помочь каждому, но в данном случае рисковать жизнью не готова.

Я выскакиваю из подъезда и нос к носу сталкиваюсь с капитаном полиции. Я резко останавливаюсь, пытаюсь отдышаться, а он удивлённо смотрит на меня.

– Вы в девятнадцатую квартиру идёте? – спрашиваю я, переведа дух.

– Да, – отвечает он. – А вы кто? Родственница?

– Нет. Я сотрудник социальной службы.

– Понятно, – сразу говорит он. – Ну, пойдёмте.

Он хочет пройти к подъезду мимо меня, но я хватаю его за рукав.

– Подождите. Там в квартире человек, наверное, сын умершей. Он пьяный и у него ружьё!

Он опять посмотрел на меня, а я на него. Я вижу, что участковый – человек уже в возрасте, и ему, наверное, около пятидесяти лет. В это время от полицейской машины, стоящей возле подъезда, подходит совсем молодой сержант.

– Какие проблемы, дамочка? – спрашивает он.

– Никаких проблем, Коля, – отвечает капитан. – По крайней мере, пока.

Он снимает фуражку и вытирает внутри неё носовым платком. Потом одевает фуражку на голову и кивает мне.

– Пойдёмте, посмотрим.

Мы заходим в подъезд и вызываем лифт, а сержант неуверенно идёт за нами.

– Так что случилось? – спрашивает он, как видно чувствуя недоброе.

- У него ружьё, Коля, – говорит участковый.
- Так давай ОМОН вызовем! – воскликнул сержант.
- У человека горе, – отвечает капитан. – Потом одумается – жалеть будет. Да и вообще...

Ещё ничего не произошло.

- Ну ты даёшь, Михалыч! – опять восклицает сержант. – А если стрельнёт!
- Говори тише, Коля, – поморщился участковый. – И, наверное, пойдёмте-ка пешком.

Мы поднимаемся по заплёванной лестнице и останавливаемся перед последним пролётом возле пятого этажа.

- Значит так, – говорит капитан. – Я пойду один, а вы пока здесь подождите.

Он поднимается и заходит в квартиру, а мы с сержантом остаёмся вдвоём. Коля заметно нервничает. Он вдруг расстегнул кобуру и вытащил пистолет, но, посмотрев на меня, убирает оружие обратно. Мы молчим, но я скоро не выдерживаю и поднимаюсь на несколько ступенек вверх. Я пытаюсь услышать, что происходит в квартире, но оттуда доносится только голос участкового. Слов не разобрать, но по интонации понятно, что он кого-то уговаривает. Так проходит несколько минут, которые кажутся такими долгими.

Наконец капитан выходит из квартиры и спускается к нам.

- Ружьё он на коленях держит, – тихо произносит он. – Не хочет отдавать.

– Хватит дурить, Михалыч, – так же тихо говорит сержант. – Вызовем ОМОН – и дело с концом.

- Разговорчики! – вдруг повысил голос участковый. – Забыл с кем разговариваешь!?

– Виноват, товарищ капитан, – сразу успокоился Коля. – Вы, конечно старший и вам решать, но всё равно подумайте.

– Если ОМОН приедет – разбираться не будет, – проговорил участковый. – Произведут захват, и парень сядет надолго.

Он смотрит на меня и видит в моих глазах немой вопрос.

– Я этого парня знаю, – говорит он мне. – Лёшкой зовут. Мы в школе вместе учились, и родителей я его знал. Он сейчас в подавленном состоянии, и я дал ему пять минут, чтобы успокоиться. После этого попытаюсь опять с ним поговорить.

Капитан опять снимает фуражку и протирает её носовым платком. Внешне он выглядит спокойным, но я вижу, как дрожат его пальцы.

- Он правда служил в Афганистане? – спрашиваю я.

– Правда, – кивает участковый. – Инвалидом оттуда вернулся. Жалко если в тюрьму попадёт.

- Может быть я с ним поговорю? – опять спрашиваю его.

- Нет, милая. Ты подождёшь здесь.

- Сейчас уже скорая должна приехать, – говорю ему.

- Я знаю, – вздыхает капитан. – Ничего, разберёмся.

Проходит ещё немного времени и участковый смотрит на свои часы.

- Пора, – говорит он и идёт к двери квартиры.

В это время я понимаю, что читаю про себя молитву. Капитан заходит в квартиру, и мы с сержантом смотрим на закрывшуюся дверь. Я уже не могу этого терпеть и подхожу прямо к ней. За дверью ничего не слышно, я наклоняюсь вперёд и замираю. Сержант Коля тоже не шевелится, чтобы не шуметь, и на лестнице стоит такая тишина, что слышно, как у кого-то в квартире сверху в ванной журчит вода.

- Ну что там? – вдруг спрашивает Коля.

Но я поднимаю вверх палец, призывая к тишине. Каждую секунду я ожидаю выстрела, но его всё нет, и нервы мои натянулись до предела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.